

АЗИЙСКОЕ МИРОВИДЕНИЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА В АСПЕКТЕ КАЛМЫЦКИХ ИСТОКОВ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА

**Материалы Всероссийской
научной конференции,
посвященной 130-летию
со дня рождения
Велимира Хлебникова
(г. Элиста, 22–23 сентября 2015 г.)**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

**АЗИЙСКОЕ МИРОВИДЕНИЕ
ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА
В АСПЕКТЕ КАЛМЫЦКИХ ИСТОКОВ
ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА**

Материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной 130-летию со дня рождения
Велимира Хлебникова
(г. Элиста, 22–23 сентября 2015 г.)

Элиста
2015

ББК 83+81+63.5(2 Рос=Калм)+ 63.3 (2 Рос=Калм)
УДК 82+81+39+94 (47)
А 355

Печатается по решению Ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Калмыцкого института гуманитарных исследований
Российской академии наук

Ответственный редактор:
Н.Г. Очирова

Редколлегия:
Э.П. Бакаева, В.В. Куканова

Составители:
В.В. Батыров, Б.А. Кичикова

Азийское мировидение Велимира Хлебникова в
А 355 **аспекте калмыцких истоков творчества поэта:** Материалы
Всероссийской научной конференции, посвященной 130-летию со
дня рождения Велимира Хлебникова (г. Элиста, 22–23 сентября
2015 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2015. — 248 с.

ISBN 978-5-903833-84-9

В настоящем издании представлены материалы Международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Велимира Хлебникова. Авторы статей анализируют творчество поэта в литературоведческом, лингвистическом и этнографическом планах, а также в свете калмыцкого фольклора. В сборнике включены и статьи, посвященные семье В. Хлебникова.

Кроме того, в книге опубликованы архивные материалы отца поэта В.А. Хлебникова, хранящиеся в Национальном музее Республики Калмыкия. Этнографические заметки попечителя Малодербетовского улуса В.А. Хлебникова посвящены описанию детских игр и игрушек калмыков.

Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся литературой, историей и культурой российских народов.

В оформлении обложки использована графика Степана Ботиева

Материалы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-903833-84-9

© КИГИ РАН, 2015

© Коллектив авторов, 2015

© Оформление обложки, Татнинов Д.В., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Главы Республики Калмыкия А.М. Орлова	5
Приветствие Министра образования и науки Республики Калмыкия Н.Г. Манцаева	7

ЧАСТЬ I

<i>Очирова Н.Г.</i> Калмыкия: грани Хлебникова поля	11
<i>Парнис А.Е.</i> Генезис и евразийская тема у Велимира Хлебникова	19
<i>Бичеев Б.А.</i> Письма из Калмыцкой степи	22
<i>Зорин А.В.</i> Тема Тибета и тибетского буддизма в творче- стве Велимира Хлебникова	37
<i>Кукарека Г.Г.</i> Памятники Поэту	47
<i>Исаев Г.Г.</i> Формирование и эволюция хлебниковского мифа в литературе	51
<i>Боровская А.А., Бычков Д.М.</i> Интертекстуальность сверх- повести В. Хлебникова «Зангези»	68
<i>Светозарова Н.Д., Бурыкин А.А.</i> В. Хлебников и рус- ская научная фонетика его времени (одно примечание к заметке Хлебникова «Малые небеса азбуки»)	85
<i>Спесивцева Л.В.</i> Жанровое своеобразие поэмы В. Хлеб- никова «Жуть лесная»	89
<i>Ханинова Р.М.</i> Поэтика вещи в творчестве Велимира Хлебникова	101
<i>Музраева Д.Н.</i> К сравнительному изучению образов птиц в восточной и славянской поэтике (Птицы в поэзии Хлебникова)	118
<i>Бурыкин А.А.</i> Заумь В. Хлебникова и поэтов его круга как лингвистический феномен: звучащая поэтическая речь и поэтическая графика	147
<i>Санджиев Н.Д.</i> Родина в творчестве Велимира Хлебни- кова	159

<i>Кулешова И.В.</i> Золотые часы от господ Хлебниковых	165
<i>Манджиева Е.К.</i> Изучение творчества Велимира Хлебникова в школе	176
<i>Таркова Р.А.</i> «Лебедия»: уровни реальности (Сакральная география буддийского пространства Астраханского края)	180
<i>Басангова Т.Г.</i> Калмыцкий фольклор о культе гор	194
<i>Манджиева Б.Б.</i> Концепт «змея» в фольклорной традиции калмыков и его развитие в произведениях В. Хлебникова	204
<i>Батырева С.Г.</i> «Хлебниково поле» творчества С. Ботиева	213

ЧАСТЬ II

Из архива ученого-орнитолога, попечителя Малодербетовского улуса Калмыцкой степи В. А. Хлебникова	220
Сведения об авторах	247

ТЕМА ТИБЕТА И ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА*

Велимир Хлебников, самопровозглашенный Председатель Земного Шара, в своих художественных и интеллектуальных поисках обращался к самому широкому кругу явлений, событий, фигур, образов и т. д. мировой истории и культуры. Однако, поскольку ни один человек не может быть свободен от личных пристрастий, удельный вес географически или исторически «окрашенных» мотивов и тем в его творчестве весьма неравномерен. Среди наиболее значимых, наряду с казацкой, иранской, вообще мусульманской, японской и некоторыми другими темами, находится тема степняков — монголов и калмыков, последователей учения Будды. Частично последняя тема, если отвлечься от отсылок к периоду монгольского завоевания Древней Руси, а также от некоторых чисто бытовых описаний калмыцкой жизни, будет справедлива и для более маргинальной в творчестве Хлебникова тибетской темы, которой посвящена данная статья.

Отдельное рассмотрение этой темы обусловлено прежде всего наличием в хлебниковском корпусе текстов стихотворения «А я пойду к тебе, в Тибет...», а также упоминаниями некоторых реалий буддийской религиозной культуры, заимствованной монголами у тибетцев¹. Хотя монгольский

* Хотел бы выразить искреннюю благодарность проф. Р. Вроону, чей совет, данный мне в середине 2000-х гг. в частном сообщении, в конечном счете привел к появлению этой статьи.

¹ Другие формы, например, дальневосточный буддизм или буддизм тхеравады (хинаяны), практически отсутствуют в творчестве Хлебникова, если не считать таких крайне лапидарных отсылок, как: «Я закрываю веки и вижу пагоды благоуханны: // Здесь мамонт жил, любимец богдыхана...» (1911) [Хлебников 2001, т. 1: 141]. Однако буддизм у Хлебникова репрезентирован не только

(а также бурятский и калмыцкий) буддизм имеет некоторые уникальные черты, в данном случае речь идет о реалиях, пришедших из Тибета, и потому тема тибетского буддизма также оказывается значима для творчества Хлебникова.

В своем небольшом исследовании мы опирались на трехтомное собрание сочинений В. Хлебникова [Хлебни-

тибетско-монгольской его формой, но также двумя фигурами древнеиндийской истории: собственно Буддой, основателем учения, и великим буддийским монархом Ашокой (304–232 до н. э.), при котором буддизм стал государственной религией на обширной территории империи Маурьев. Впрочем, отсылки к этим фигурам довольно поверхностны: в стихотворении «Меня проносят на слонах...» (1913) поэт называет себя «Вишну новым» и «Бодисаттвой на белом слоне» [Хлебников 2001, т. 1: 143–144] (по-видимому, Вишну и Будда/Бод[х]исаттва в рамках этого стихотворения — фигуры почти синонимические; едва ли здесь имеет место аллюзия на то, что в вишнуизме Будда считается одним из воплощений-аватар Вишну, хотя полностью этого исключать нельзя); в нескольких произведениях Будда сопоставляется с другими важными религиозно-философскими фигурами: «Я верю, я верю, что некогда „майна!“ // Воскликнет Будда и Аллах» («Девы и юношы, вспомните...» (1915) [Хлебников 2001, т. 1: 209], «Война в мышеловке» (1915–1919–1922) [Хлебников 2001, т. 2: 298]), «2 сторонника Нирваны, Будда (Индия) и голландец Спиноза (1632) за 365.6 успокоение в божестве, отречение от плоти и ничто» («Разговор» (1917) [Хлебников 2001, т. 3: 574]), «Вот он с неба спустился людина, // Может тюленев Будда? // Может сошли Магометы?» («Сто десять тысяч тюленей грустят» (1919–1921) [Хлебников 2001, т. 3: 413]) и т. д., в последнем примере имеет место также метафорическое использование внешних характеристик Будды, тот же прием использован в строках: «...И стало ясно мне // Что будет позже. // И улыбался улыбкой Будды» («Влом вселенной» (1921) [Хлебников 2001, т. 1: 291]); наконец, царь Ашока/Асока выступает как один из многочисленных вневременных собеседников Хлебникова по универсальным гуманистическим вопросам: «Я пошел к Асоке и попросил у него мыслей взаймы о равенстве и братстве» (прозаический фрагмент 1915 г.) [Хлебников 2001, т. 3: 529]. Само по себе слово «буддизм», возможно, учитывалось Хлебниковым при образовании неологизма «будизна», встречающегося, например, в стихотворении «Вир голубой»: «Я немизны долинность // Я будизны залив немостынный» (1913) [Хлебников 2001, т. 3: 533].

ков 2001], все цитаты приводятся именно по этому изданию. Классический том «Творений» В. Хлебникова [Хлебников 1986] также нами учитывался, особенно в части комментариев к текстам. По техническим причинам не было возможности проштудировать материалы шеститомного (в 7 книгах) собрания сочинений В. Хлебникова [Хлебников 2000–2006], поэтому не исключено, что некоторые релевантные тексты останутся не учтенными в этой статье.

Особое место калмыков и исповедуемой ими формы буддизма² в творчестве Хлебникова, разумеется, обусловлено биографическими причинами. Достаточно вспомнить такие строки, как: «Меня окружала степь, цветы, ревучие верблюды... Отец, далеких гроза сайгаков, // Стяжал благодарность калмыков» (1909) [Хлебников 2001, т. 1: 115]; — и хрестоматийное: «Родился 28 октября 1885 в стане монгольских исповедующих Будду кочевников — имя „Ханская ставка“, в степи — высохшем дне исчезающего Каспийского моря (море 40 имен)» (<<Автобиографическая заметка>> (1914) [Хлебников 2001, т. 3: 291]).

Совершенно очевидно, что Хлебников с юных лет должен был не раз посещать храмы калмыков (*хурулы*) и наблюдать многие детали буддийского религиозного культа. Скорее всего, именно эти личные впечатления, а отнюдь не «книжные», проявились в следующих строках: «Я видел, что черные Веды, // Коран и Евангелие, // И в шелковых досках // Книги монголов // Из праха степей, // Из кизяка благовонного, // Как это делают // Калмычки зарей, // Сложили костер // И сами легли на него — // Белые вдовы в облако дыма скрывались, // Чтобы ускорить приход // Книги единой...» («Азы из узы» (1919—1920—1922) [Хлебников 2001, т. 2: 306]).

² Ср. строки «Темнеет степь; вдали хурул // Чернеет темной своей кровлей» из поэмы «Хаджи-Тархан» (1913) [Хлебников 2001, т. 2: 131].

Здесь упоминаются два аспекта буддийской культуры, пришедшей к калмыкам от тибетцев: 1) особая форма хранения священных книг, представляющих собой несшитые стопки листов (рукописных или с ксилографической печатью), обернутые в особую тканую оболочку (хлопчатобумажную или шелковую) и также иногда помещаемые между двумя досками (отсюда художественное обобщение — «в шелковых досках книги»); 2) обычай ежеутреннего возжигания благовоний (тибетскому *сангу* здесь соответствует «кизьяк благовонный») как подношения буддам, божествам, духам.

Огонь подношения в художественном мире Хлебникова исполняет такие же универсальные функции, как и в буддийском ритуале: как сжигаемые благовония призваны принести благо всем живым существам, так и всходящие на костер священные книги человечества делают это во имя его объединения и наступления золотого времени — Ладомира, если воспользоваться названием другого произведения поэта, где также присутствует отсылка к тибетско-монгольской форме буддизма: «И изречения Дзонкавы // Смешает с чистой росой, // Срывая лепестки купавы, // Славянка с русою косой» (1920–1921) [Хлебников 2001, т. 2: 182]. Хлебников использует образ великого тибетского учителя Дзонкавы/Дзонхавы (в более современном написании — Чже Цонкапы; 1357–1419)³⁴ и в своих «Досках судьбы»:

«Вот всем знакомый Сократ, пророк устной беседы, родившийся в 468 году до Р.Хр.

Через 365.5 после него Дзонхава — великий учитель монголов, родившийся в 1357 г.

Это был проповедник добра для глухих степей материка, враг книг, шедший путем устной беседы с учениками; он основал учение лам.

Это Сократ пустынной Азии» [Хлебников 2001, т. 3: 594].

³ Биографию этого выдающегося деятеля тибетского буддизма см., например, в [Чже Цонкапа 1994: XXIX—XLVII].

Из этого отрывка следует два важных вывода.

1) Хлебников не видел принципиальных различий между тибетцами и монголами: сложно представить, чтобы он, зная год рождения этого учителя, мог не знать, кем он был по национальности; действительно, связь между монголами, жившими в Цинской империи, равно как и их сородичами, жившими в Российской империи, с Тибетом и Далай-ламой исторически была настолько прочной, что вопросы, связанные с монгольским миром и Тибетом, по крайней мере вплоть до конца 1930-х гг. могли рассматриваться и зачастую рассматривались отечественными учеными, политиками, обывателями под сходным углом зрения⁴.

2) В то же время характеристика, данная Хлебниковым тибетскому учителю, имеет мало общего с реальностью. Едва ли «врагом книг» мог быть назван автор многочисленных сочинений по буддийской философии и практике, собранных в двадцати увесистых томах его *сумбума* (собрания сочинений)⁵. «Устная беседа с учениками» является общей обязательной частью буддийской системы образования в Тибете и Монголии, а «учение лам» возникло задолго до Дзонхавы⁶. Таким образом, познания о нем Хлебников

⁴ Связь эта активно возрождается в наши дни, чему свидетельством — портреты Далай-ламы в буддийских храмах на территории РФ, регулярные визиты высоких тибетских лам в Россию для чтения лекций, дарования тантрических посвящений и т. д., отправка студентов из Бурятии, Калмыкии и Тывы в тибетские образовательные центры в Индии и т. п.

⁵ В данном случае имеется в виду пекинское издание в 20 томах, которое входит как приложение в состав пекинского издания тибетского буддийского канона (XVIII в.). Имеются и другие издания сумбума Чже Цонкапы.

⁶ Основанная им школа гэлук (гелуг), распространившаяся и среди монголов, имеет еще название «новой кадам» — как продолжение школы, основанной индийским проповедником Атишей в Тибете в XI в. Наряду с ней в Тибете возникли и некоторые дру-

должен был черпать из не очень надежных источников — вполне возможно, из личных разговоров⁷ или обрывочных, непроверенных упоминаний в массовой литературе того времени⁸. Не стоит исключать и творческую трансформацию полученных сведений в общем русле идей и поэтики Хлебникова.

Последний фактор, очевидно, проявился в наиболее зримо «тибетском» из всех его стихотворений — «А я пойду к тебе, в Тибет... // Там я домик отыщу — // Крыша небом крытая, // Ветром стены загорожены, // В потолок зелень глядит, // На полу цветы зеленые. // Там я кости мои успокою» (1921) [Хлебников 2001, т. 1: 388].

На наш взгляд, эта миниатюра довольно вторична в контексте творчества самого Хлебникова, очевидно напоминая его знаменитые строки «Мне мало надо...». Мотивировка появления слова «Тибет» здесь, очевидно, двойная: формальная («к тебе» — «в Тибет») и смысловая, именно навеянная

гие «новые школы» тибетского буддизма, а старая школа, нингма, была основана еще индийским йогином Гуру Падмасамбхавой (VIII в.). Во всех этих школах используется слово «лама», т. е. «учитель», эквивалент санскр. «гуру».

⁷ В связи с этим, однако, можно вспомнить использование калмыцкой легенды о появлении горы Богдо в Астраханской губернии в поэме «Хаджи-Тархан» (1913): «Слово песни кочевое // Слуху путника расскажет: // Был уронен холм живой, // Уронил его святой, — // Холм, один пронзивший пажить! // А имя, что носит святой, // Давно уже краем забыто...» [Хлебников 2001, т. 2: 131]. Эта легенда была зафиксирована в труде академика С. Г. Гмелина [Гмелин 1777: 14] и вполне могла быть известна Хлебникову отсюда, так как указанная книга имела и имеет большое значение для всякого читателя, интересующегося историей астраханского края.

⁸ Стоит напомнить, что в его время существовали очень серьезные работы отечественных востоковедов (В. П. Васильева, А. М. Позднеева, Г. Ц. Цыбикова и др.) по различным аспектам тибетского и монгольского буддизма.

представлением о Тибете как месте аскетического слияния с природой и конечного освобождения от тягот жизни («там я кости свои упокою»). Однако с содержательной точки зрения изображение Тибета как дома, ограниченного небом, ветром, зеленью и цветами, не вполне убедительно, поскольку, с одной стороны, в силу своей универсальности может быть соотнесено со многими другими точками земли, с другой стороны, часть образа (зелень, цветы как пол метафорического дома) едва ли может служить сущностной характеристикой каменистого или озерного тибетского пейзажа.

Кажется, что, оттолкнувшись от формальной ассоциативной связи⁹, поэт в последующем поэтическом «домостроительстве» исходит из собственного мироощущения, произвольно соединяя его со страной, о которой он имел довольно поверхностные представления. Это впечатление усиливается последней строкой миниатюры, поскольку слова об упокоении костей, хотя и напоминают внешне о суровости тибетского образа жизни и мыслей, на самом деле отсылают к другой культурной реальности¹⁰. О костях мертвеца в Тибете, где исторически наиболее известным способом захоронения было оставление мертвого тела на съедение птицам и диким животным, можно сказать все, что угодно, но только не то, что они могут обрести там покой. Если, конечно, не иметь в виду чаши из человеческих черепов и тому

⁹ Вероятно, более ранний подступ к использованию этого каламбура мы встречаем во фрагменте того же периода: «Еда! // Шаря // Лапами // Земного шара // Грызу Сахару // Черный стакан // Ночного неба! // Песком Сахары, // И тебе Тибет // Думы мои // Снежные перья // Окутали небо. // Земля — кусок // Любимого вина // Держу у черных уст» (1921—1922) [Хлебников 2001, т. 3: 437].

¹⁰ Сложно отделаться от ощущения, что поэт в этом стихотворении в каком-то смысле напророчил обстоятельства собственной преждевременной смерти в новгородской глубинке, где хватает и неба, и ветра, и травы.

подобные сакральные предметы, используемые для обретения высшего покоя — нирваны. Но мог ли Хлебников это иметь в виду?

Внимательное прочтение драмы «Ошибка смерти» (1915) показывает, что полностью исключать этого нельзя. В конце произведения Тринадцатый гость Барышни Смерти заставляет ее отвинтить свой череп и дать ему как чашу, после чего та, побежденная, восклицает: «Больше свиста свирелей из берцовых костей человека! Треска позвонков! Ударов в тазы! Больше лютней из узких мизинцев!.. О, черепа, играйте в лютни! // О, кости, бейте в балалайки!» [Хлебников 2001, т. 2: 430]. Скорее всего, отсылки к реалиям буддийской тантры, где божества пьют кровь¹¹ из *капалы* (чаши из черепов) и где используется особая дудка-*ганлин* из человеческой берцовой кости, вошли в данный фрагмент случайно. Однако благодаря этим отсылкам описанная Хлебниковым победа над смертью напоминает подчинение или даже подавление демонических существ или «врагов Учения» буддийскими йогинами¹².

Мысль о том, что символика и иконография буддийской тантры имели определенное воздействие на сознание поэта, подкрепляется еще одним примером — строками из стихотворения «Как стало овец мирно дремлет...» (что показательное, хронологически чрезвычайно близкое к стихотворению «А я пойду к тебе, в Тибет...»): «Это же праотцев ужас — //

¹¹ Кровь в тантре обычно символизирует постижение истинной природы всех дхарм (элементов бытия) как пустых от самостоятельной сущности.

¹² Подавление допускает убийство врага, но не напрямую, а с помощью божеств — Защитников Учения, через проведение особого «яростного» ритуала. Это трактуется в терминах сострадательного насилия — как «освобождение» от текущей, дурной жизни для скорейшего искупления дурных деяний через новое рождение; подробнее см. [Dalton 2011].

Дикий пламени бог, скорбный очами, // В буре красных волос...». Избранная поэтом формулировка («буря красных волос») удивительно напоминает описания и изображения гневных тантрических божеств с их вздыбленными волной темно-красными волосами¹³.

Таким образом, в творчестве Хлебникова можно выделить несколько сторон преломления темы Тибета и тибетского буддизма:

1. в связи с религиозной практикой калмыков знакомых поэту с детства, Тибет предстает как бы нераздельным с монгольским миром, один из величайших тибетских духовных учителей, Чже Цонкапа, рассматривается им как *монгольский* аналог Сократа;

2. образ Тибета как страны в восприятии Хлебникова, по-видимому, окружает ореол романтической туманности, его конкретные познания здесь были весьма малы;

3. образы буддийской тантры, использованные Хлебниковым в своих произведениях, придают им дополнительные смыслы, о степени намеренности которых нам остается только гадать.

Некоторое сгущение в творчестве 1921–1922 гг. мотивов, которые можно связать с тибетской тематикой, может говорить как о некотором усилении интереса Хлебникова к ней, так и о том, что они были созвучны трагическим размышлениям поэта о своей судьбе в последний период его жизни.

¹³ Отметим здесь еще близкое хронологически описание Мавы: «Она удаля и лиха, // Она красую спорит с женами, // Ее живые потроха // Часами смотрят обнаженными. // Кишки подобно небосводу // Свершают медленный полет» (1921) [Хлебников 2001, т. 1: 386], в котором как будто ошутимо воздействие тибетского/тантрического семантического ореола (термин М. Л. Гаспарова). Любопытно, что схожий образ Мавы встречается в одном из последних стихотворений поэта «Вы, привыкшие видеть жизнь...» (1922) наряду со словом «треочие» [Хлебников 2001, т. 1: 427, 430], также явно перекликающимся с иконографией буддизма.

Литература

- Dalton J.* The Taming of the Demons. Violence and Liberation in Tibetan Buddhism. New Heaven & London: Yale University Press, 2011.
- Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб.: Император. Акад. Наук, 1777.
- Хлебников В.* Творения / общ. ред. и вступ. ст. М. Я. Полякова; Сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1986.
- Хлебников В.* Собрание сочинений в шести томах / под общей редакцией Р. В. Дуганова; Сост., подготовка текста и примеч. Е. Р. Арензона и Р. В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.
- Хлебников В.* Собрание сочинений в трех томах. СПб.: Гуманитар. агентство «Академ. проект», 2001.
- Чже Цонкапа.* Большое руководство к этапам Пути Пробуждения / Перевод А. Кугявичуса под общей редакцией А. Терентьева. Т. 1. СПб.: Нартанг, 1994.

Сведения об авторах

Басангова Тамара Горяевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста)

Батырева Светлана Гарриевна, д-р искусствоведения, заведующий Музеем традиционной культуры им. Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста)

Батыров Валерий Владимирович, канд. ист. наук, зав. отделом этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста)

Бичеев Баазр Александрович, д-р филос. наук, заведующий отделом письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста)

Боровская Анна Александровна, д-р филол. наук, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета (г. Астрахань)

Бурыкин Алексей Алексеевич, д-р филол. наук, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург)

Бычков Дмитрий Михайлович, канд. филол. н., доцент кафедры литературы Астраханского государственного университета (г. Астрахань)

Зорин Александр Валерьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург)

Исаев Геннадий Григорьевич, д-р филол. наук, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета (г. Астрахань)

Кичикова Байрта Анатольевна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста)

Кукарека Григорий Григорьевич, народный поэт Республики Калмыкия, член Союза писателей Калмыкии «Шинрлт» («Обновление»), Союза писателей России (г. Элиста)

Кулешова Инга Вячеславовна, канд. полит. наук, член Союза журналистов России (г. Москва)

Манджиева Байрта Барбаевна, канд. филол. наук, зав. отделом фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста)

Манджиева Елена Куприяновна, учитель русского языка и литературы МОУ «Элистинский лицей» (г. Элиста)

Музраева Деляш Николаевна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста)

Очирова Нина Гаряевна, канд. полит. наук, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста).

Парнис Александр Ефимович, член международного Союза писателей «Русский ПЕН-центр» (г. Москва)

Санджиев Николай Джамбулович, заместитель министра культуры и туризма Республики Калмыкия, канд. культурологии, доцент Калмыцкого государственного университета, председатель Союза писателей Калмыкии «Шинрлт» («Обновление»), секретарь Союза писателей России (г. Элиста)

Светозарова Наталья Дмитриевна, д-р филол. наук, профессор филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Спесивцева Любовь Валентиновна, канд. филол. наук, доцент кафедры литературы Астраханского государственного университета (г. Астрахань)

Таркова Радмила Анатольевна, канд. ист. наук, ученый секретарь ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник» (г. Астрахань)

Ханинова Римма Михайловна, канд. филол. наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета, поэт, член Союза писателей России (г. Элиста)

Научное издание

**АЗИЙСКОЕ МИРОВИДЕНИЕ
ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА
В АСПЕКТЕ КАЛМЫЦКИХ ИСТОКОВ
ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА**

Материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной 130-летию со дня рождения
поэта Велимира Хлебникова
(г. Элиста, 22–23 сентября 2015 г.)

Подписано в печать 07.09.2015. Формат 84×108/32.
Печать офсетная. Усл.-печ л. 13,1.
Заказ №9-15. Тираж 500 экз.

Компьютерная верстка, технический редактор Д.В. Татнинов
Редактор Т.А. Михалева
Корректор И.М. Болдырева

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8